

Кругозор

4
1964

ТЫСЯЧА СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ДЕНЬ СОТВОРЕНИЯ СВЕТА

Юрий ВИЗБОР
Фото В. САККА
Специальные
корреспонденты
«Кругозора»

Вообще-то сотворить свет не-
трудно. Достаточно чиркнуть спич-
кой, и свет ее будет виден в ночи
на целый километр. Сотворить же
свет, который был бы виден в че-
тырех среднеазиатских республи-
ках, крутил огромные моторы,
гнал воду в пустыни, — задача для
гигантов.

Свет в Нурене сотворится дни
и ночи. Вот записки, сделанные
в течение одного — 1162-го — дня.

ВОДА

...В буфет привезли ящики с во-
дой. Близятся жаркие дни.

...Диспетчер сказал: «В пяти тон-
нелях, через которые будет отво-
диться вода Вахша, пройдено сего-
дня в диабазовых скалах шесть
метров. Это удача».

...Утром селевой потон снес бе-
тонный манет плотины, построен-

Смотрите
четвертую
обложку

ный на одном из притоков Вахша для сейсмического исследования.

...Сегодня зарегистрировано восемь подземных толчков.

...Трижды принимался идти дождь. В открытом кинотеатре «Электрон», где показывали фильм «Выстрел на Калимантане», капли четко проецировались на широком экране. В середине сеанса дождь кончился, и сразу появились две луны: одна — на экране, другая — в небе. Кинолуна освещала джунгли, а настоящая — бетонную

дорогу с грохочущими самосвалами и две вершины, которые пока еще могут так называться. Когда Вахш будет перекрыт, эти вершины превратятся просто в два берега, соединенные гигантской бетонной стеной плотины высотой в 300 метров. Здесь самое узкое место Вахша. Трудно поверить, что во время паводков через эту щель свирепый Вахш проталкивает четыре тысячи кубометров воды в одну-единственную секунду...

ПЛОТИНА

Книга с названием «Плотина» еще пишется. Ее автор — диспетчер Александр Черешнев. Сегодня, когда ущелье в грохоте работы, наверно, интересно узнать о том, как все начиналось. Вот отрывок из книги диспетчера Черешнева:

«Первый экскаватор смонтировали за восемнадцать дней. По ущелью пронесся низкий рев его сирены. Массивные зубья со скрежетом ушли в каменное крошево.

А Прохор невелики ростом, у него худощавое, немного замкнутое лицо. Полосухин немногословен; слово считает даром, который дан человеку не для забавы...»

КОЧУЕВ

Ночь темная, дождливая. Я и фотокорреспондент сидим и ждем машину. Пять прожекторов, простроченные очередями дождя, стучатся длинными пальцами в ночные облака. Пять прожекторов — пять порталов тоннелей.

Спит Нурек. Спят дневные смены. Но створ плотины не знает сна. Из черных пастей тоннелей выезжают гигантские «МАЗы». Скальные экскаваторы крутятся, как волчки, придавая горе форму, нужную для плотины. Главный огонек на ночном створе, самый маленький, — окошко диспетчерской.

В диспетчерскую входит парень.

— Вы, ребята, откуда?

— Из Москвы.

— Из Москвы? Слушайте, хлопцы, не в службу, а в дружбу: можете прислать мне книгу по археологии Арциховского?

— А по какому адресу?

— Нурек, поселок Лангар, кибитка 89. Кочуеву Виктору. Это лично я. Вон мой экскаватор крутится.

— А археология зачем?

— Учусь на истфоне.

В городе Волжске Виктор Кочуев и его жена Ольга имели хорошую квартиру. Потом переехали сюда, в Нурек, в кибитку № 89. Почему?

— Фамилия такая. Кочуев.

Здесь, где молчаливые горы навевают мысли о седой старине, этот небольшой экскаватор казался великаном. Даже старики горцы, как мальчишки, прыгали с камня на камень, подходи к экскаватору. С некоторым разочарованием и даже недоумением они смотрели на повелителя этой мощи — Прохора Полосухина.

«Управлять такой машиной должен богатырь», — думали старики.

ПРОБЛЕМЫ

Нурек сегодня решает свои проблемы: горы, дорога, сейсмизма.

Горы. Каждый метр строительной площади они отдают с боем. Нужно поставить вагончик — взрывать. Нужна дорога — взрывать. Тоннель — взрывать. Аммонал шагает впереди человека.

Дорога. Она только одна. Автомобильная. По этой дороге через перевал с головокружительными поворотами должны быть перевезены гигантские турбины, оборудование.

Сейсмизма. Плотина строится в районе, где колебания почвы достигают десяти баллов.

Сегодня, пожалуй, рано говорить о плотине или станции. Сегодня строители пробивают пятью тоннелями гору.

В следующем году Вахш понорно атланет своим свирельные рога в эти тоннели и освободит каньон для станции. Здесь будет Нурек завтрашний, Нурек грядущий.

г. Нурек,
Таджикистан ССР.

Вы видите три портрета строителей. А на мужской странице голоса этих людей.

Александр Черешнев — диспетчер. Его голос слышен на всех участках стройки.

Виктор Кочуев — экскаваторщик. Вы узнаете, как он откосится и истории и как и географии.

Людмила Гусанова — молодой инженер. Кандидату смену обходит она датчики — приборы для регистрации давления, которые установлены между креплениями тоннелей и породой. Мы с Людмилей записали перучий голос горы.

Э. МЕЖЕЛАЙТИС

Буханку хлеба, свежего, ржаного,
нарежу на столе и помню помню.
Кто голоден — бери помню земного
ржаного хлеба.

Солнечная плоть
тантся в нем — одна крупница солнца,
одна щепоть великого огня...
Пусть за столом погаснет наша ссора,
пусть доброта останется одна.
Десяти рук, натруженных, больших,
украшены тяжелыми помтями,
как будто ветви яблоны молодых,
отващенных сочными плодами.
Те ветви ответвились от ствола
и тянутся к полуденному небу...
Так протянулись эти руки к хлебу,
связующему посреди стола.
Мой хлеб горяч. Он солнцем опален.
Он согревает тело, словно пламя.
И тело наливается теплом,
глаза глядят, как радуга пылая —
два невеликих солнца, два зрачка,
как две модели замкнутой Вселенной,
прекрасной, гармоничной, населенной
светилами из одного стручка.
Буханка хлеба — это настоящий
осколок солнца на моей земле.
Обогревает нас огонь, горящий
извечно на обеденном столе.

Перевел Станислав НУНЯЕВ

Герой.

— Я люблю соловья,— говорит Межелайтис. Речь его нетороплива, слова обычны. Он спокойно берет банальные темы. Слово о нем и входит в предмет его основных забот. По контрасту вспоминаешь стихи. Где же пафос, темп, неповторимость, буйство красок! Ждешь: вот прорвется, сверкнет вспышка. Но это «вот» не наступает.

— Я люблю соловья,— говорит Межелайтис,— это птичка часто так охвачена своим пением, что получает инфаркт и падает с ветки. Кто бродил по приречьям, знает это. Так и поэт. Наша «должность» требует предельной работы сердца.

Поэт видит сердцем. И мир всегда открывается ему заново. В истинной поэзии властвует закон: ко всему подходит с полной жизненной мерой.

С точки зрения хрестоматии у Межелайтиса классический путь в литературу. Сельская местность, учительница — поэтесса. За первую книгу стихов ругают. После десятой приходит слава. Но это внешний ход событий, биография. У поэта главное — история его страстей и мыслей, история сражения «за каждый глоток бытия».

Мать по вечерам сочиняла Эдуардасу сказки, чтобы убаюкать. И проснулась могучая тяга к образному мышлению. Отец работал на кулака, возмущался несправедливостью жизни. Сын стал марксистом, он избран в советский парламент, он убежден, что счастье рукоделию. Мальчик любил слушать соловья и выступал на пие с импровизациями для лесной чащи. Поэт написал песню о человеке XX века. Гимн, поднимающий человека до звезд...

— Эмблема нашего времени — мысль,— говорит Межелайтис. — Мысль проникла в ядро атома. Мысль устремилась в космос. Мысль... — повторил он, прошелся по комнате, протянул руку к открытое окно и подставил ее под дождь.

Игорь САРКИСЯН

Фото А. СУТКУСА

«...А если ты не создатель теории относительности! Если ты не космонавт под таинственным номером!» Размышления лауреата Ленинской премии Эдуардаса Межелайтиса о герое нашего времени слушайте на звуковой странице.

ВРЕМЯ, ПОЭТ

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

ВСЕМ,

В этом номере мы публикуем звуковые документы из истории внешней политики Советского Союза. Фолнаны архивов, фотографии и пленка, память участников событий сберегли для нас свидетельства того, как молодая Советская республика с первых шагов утверждала принципы мирного сосуществования.

Иногда одна интонация может сказать многое. Вслушайтесь в голоса первых советских дипломатов, прочтите рассказ участника Генуэзской конференции в 1922 году А. Н. Эрлиха, и вы почувствуете обстановку тех далеких дней.

ВСЕМ,

...Вот здесь, на этом снимке, вы видите Георгия Васильевича Чичерина. Он отправляется из гостиницы «Палаццо империале» на очередное совещание.

Апрельские дни 1922 года. Провалилась интервенция против Советской России. Не вышло штыком — попробуем золотом, решили на Западе. Советскую Россию пригласили на международную экономическую конференцию. А вы, конечно, знаете, что это было за время для нашей страны. Разруха, голод. И в капиталистическом мире считали, что им легко будет заставить нас пойти на кабальные соглашения.

ВСЕМ!

Для буржуазных газет было сенсацией, что большевики вообще согласились приехать в Геную. Что только они не писали в то время! Один из заголовков мне особенно запомнился: «Прибудут ли они во фраках или в дублених полушубках и с ножами в зубах?»

По специальности я архитектор, но так как учился в Италии и

Я не свожу глаз с каждого, кто идет навстречу. Нервы напряжены. А Георгий Васильевич спокойно продолжает:

— Хотя, впрочем, может быть, лучше будет не красный, а синий. Как вы считаете?

Мы зашли в магазин, купили синий шарф, тросточку и так же неторопливо вернулись в гостиницу. На следующий день газеты

знал язык, В. В. Воровский поручил мне организацию охраны и административно-хозяйственной службы. Я хорошо помню день приезда советской делегации. Г. В. Чичерин, остановившись в гостинице, сразу же предложил совершить прогулку по городу. Я хорошо знал, что в городе полным-полно белогвардейцев. От них можно ожидать любой провокации. Воровский на мои опасения ответил кратко: «Тебе дали приказание — выполняй!»

И вот мы с Георгием Васильевичем идем, не торопясь, по улицам курортного пригорода Генуи. Чичерин спокойно говорит своим высоким, певучим голосом:

— Видите ли, я простужаюсь в больших залах, мне нужен шарфик, чтобы защитить горло, пойдемте купим красный шарфик.

наперебой рассказывали об этой прогулке. Конечно, потом я понял, что Георгию Васильевичу не так уж нужны были покупки. Прогулка была политическим вызовом советского дипломата.

Ошеломляющим для капиталистических стран было и первое выступление Чичерина. Свист и улюлюканье в буржуазных газетах быстро стихли, их сменили удивление и растерянность. Точно выполняя ленинские указания, советская делегация, в составе которой были Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, В. В. Воровский, твердо заявила, что нашей стране нельзя угрожать и диктовать, что мы предлагаем мирное сосуществование на условиях равноправия и взаимной выгоды.

КАРАВАН МЕЛОДИЙ

Четыре мелодии услышите вы на последней звуковой странице. Имена их авторов неизвестны.

Шел по горной дороге в Ливане погонщик каравана, изредка покрикивал на осликов, нагруженных фрунтами, и весело насвистывал...

И, может быть, в тот же день в Таиланде по широкой мутной реке Менам плыла вереница лодок. У народа там есть обычай: в дождливый, свободный от полевых работ сезон совершать по воде паломничество и святым местам. Плывут лодки, и люди в них складывают песни. Вот запели на одной лодке — им отвечают с другой, третьей...

Оркестр бродячих музыкантов играет в дворике, украшенном цветами и гирляндами конусовых орехов. Это

Цейлон. Музыканты стараются на веселой деревенской свадьбе...

Люди распахивают землю, выходят в море за рыбой, рубят лес. И еще поют и танцуют. В Индонезии, где с самого раннего детства ребята нам припевают любовь и искусству, в школах введено преподавание национального танца.

...Четыре мелодии услышите вы из звуковой страницы «Кругозора»: ливанскую песенку «Улыбнись», «Песню лодочника» из Таиланда, индонезийскую — «Ветер, мой посланник» и танец, звучащий на крестьянской свадьбе в цейлонской деревушке.

В. КАССИС

Фото Вл. ЛЕБЕДЕВА

Я совсем не умею петь. Но я мечтаю: вдруг случится чудо и когда-нибудь в ночной электричке я запою, как Карузо. Я спую дремлющим, уставшим людям о солнце над морем, наклонюсь к нескладной, некрасивой девчонке — «Ах, ты, душенька, красна девица!» Тысячи безголовых, вы поймете меня. Так же, как и я, вы любите умеющих петь и благодарны им за радость каждой новой песни.

Вот уже несколько лет я слышу голос певицы, которую очень люблю.

КОНКУРС— ЕЖЕДНЕВНО

Я стараюсь не пропускать ее концерты и в третий, в пятый, в десятый раз услышать «Ивушку», «Рощу». Зовут певицу Людмила Зыкина.

Я слушаю Людмилу Зыкину. Она не поет сейчас, она рассказывает. Вспоминает подмосковную деревню Черемушки, где провела детство, вспоминает госпиталь и себя, тринадцатилетнюю, поющую раненым «Синий платочек». И еще вспоминает большую комнату в Зале имени Чайковского. Хор Пятницкого объявил конкурс, и закройщица ателье зашла туда просто из любопытства. «Что ты знаешь?» — спросили ее. «Все», — ответила она. «Ну, спой «Уж ты сад, ты мой сад». Она спела. Ее приняли.

Я слушаю Людмилу Зыкину. Она вспоминает: ей очень хотелось петь так же, как поют старшие подруги по хору. Так! А может, не так? Может, иначе? Всякий художник хочет найти свой цвет, свой голос, свою манеру, свой стиль.

Людмила Зыкина искала и нашла. Можно говорить о широком диапазоне голоса, о форшлагах, но я просто закрываю глаза и слушаю «Рябину». Я знаю, кто поет. И вы, случайно включив радио и услышав глубокий, тоскующий голос, сразу же назовете это имя. Конкурс Людмилы Зыкиной продолжается...

Подмосковная деревенька Черемушки, ты стала большим красивым городом. Девочка, проходившая по твоим пыльным улицам, стала известной певицей.

Е. ХРАМОВ

Фото А. ЛИДОВА и В. САКА.

ТЕМ, КТО НА ВЫСОКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

4

На звуковой странице «Кругозора» «Северная песня» Николая Ракова на слова Валентина Кузнецова. Она посвящена людям Севера. Для них год делится на две части: полярный день и полярную ночь. Пусть наша песня будет с северянами всю ночь до утра и весь день до вечера — круглый год.

Фото Д. КОЗЛОВА и Г. КОПОСОВА.

ОТЗВУКИ

ДАЛЕКОЙ

ПРЕМЬЕРЫ

сочинение. Владимир Владимирович улыбнулся: «В общем, подходит».

Это было в 1929 году. Ставил «Клопа» В. Э. Мейерхольд. Успех был огромный. Зрители аплодировали артистам Ильинскому, Боголобову, Свердлову. Всем нравились декорации, сделанные Кукрыниксами и Родченко. Музыка Шостаковича сопровождала представление

Начиная работу над музыкой для новой пьесы, молодой композитор встретился с автором комедии В. В. Маяковским.

— Вы любите пожарные оркестры? — неожиданно спросил поэт.

— Иногда да, иногда нет...

— А я люблю, — сказал Маяковский. — Музыка к «Клопу» должна быть простая, как марши пожарных.

И вот Дмитрий Шостакович показывает свое

этой пьесы в театре имени Вс. Мейерхольда. Но когда театр прекратил существование, партитура исчезла бесследно.

Шли годы, создавались новые постановки «Клопа». А музыка, с которой пьеса начинала жить, казалась умолкнувшей навсегда. Сам автор считал потерянной нотную тетрадь, которая сейчас лежит на дирижерском пульте...

Г. ВАЙНШТЕЙН, Р. ДУГАНОВ

Юрий СБИТНЕВ

**ЛЕНУШКИН
СОЛОВЕЙ**

Рассказ

Смеркалось. Ленушка засыпала у меня на руках. Из сада в открытую створку окна приходили запахи земли, трав и свежести. Гроза ушла, но отсветы молний вспыхивали синим в окнах домов.

Ленушкины волосы пахли дождем, садовой ромашкой и детством.

Я слушал далекый отзвук грома, одинокий лай собаки, скрип садовых калиток, тишину комнаты и громкое дыхание дочери. Я любил это дыхание, потому что оно было моим воспоминанием, моим настоящим и моим продолжением. Ленушка засыпала так же естественно, как приходят на землю сумерки, как падают в травы росы и зажигаются звезды.

В доме напротив со скрипом распахнулось окно, и дачник Оськин темно произнес:

— Зина, дыши озоном!

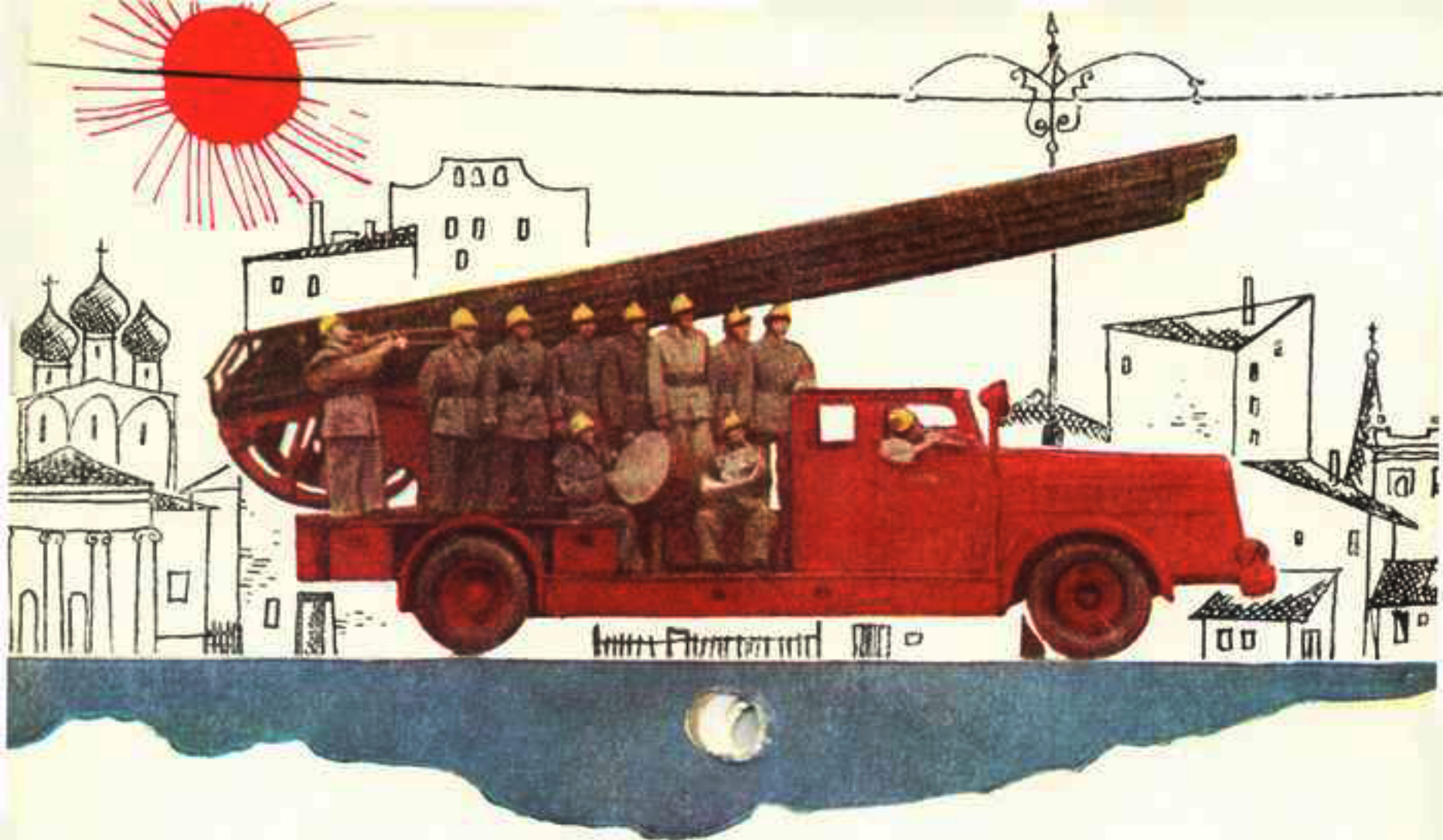
Он долго и сладко зевал, навалившись грудью на подоконник, а

сумерки уничтожали его, пока не стерли совсем.

Ленушка плотнее прижалась к моей груди и задышала громче. Я встал со скамейки, чтоб отнести ее в кровать, и замер. От реки, там, где синий сумрак никак не мог покорить белый туман, возникла песня соловья.

Соловей взял сразу же самую высокую ноту, оглушил тишину, и она рассыпалась на тысячи звонких бусинок...

Притих гром, погасли отсветы молний, замолила собака, застыл в окне Оськин, весь мир принял к маленькому сердцу птицы. Я не

Прежде чем у вас в доме зазвучала звуковая странница, «Кругозор» побывал на репетициях оркестра в пожарном деле, беседовал с Кукрыниными в их мастерской, интервьюировал Д. Д. Шоста-

ковича и И. В. Ильинского и, наконец, был первым — после долгого перерыва — слушателем фонстрота к третьей картине «Клопа», исполненного оркестром под управлением В. Купревича.

заметил, когда проснулась Ленушка. Она прислушалась:

— Плачет, бедный...

— Поет, дочка, — поправил я.

— Нет, плачет, — сказала она и добавила: — Мальчишки утром у него гнездо разорили. Плачет.

Я прислушался и вдруг понял: да, плачет.

Потом, много лет спустя, я узнал: соловьи поют летом после широких и яростных гроз, когда ливни губят их гнезда и детей. Ленушка была права: в ту ночь соловей планал.

И, может быть, мальчишки не были в этом виноваты.

Кайсын КУЛИЕВ

Мотылек

Чтоб умереть, готов ты издалёка
Лететь туда, где видишь огонёк,
И потому тебя певцы Востока
Считали неразумным, мотылек!

А я один, не как другие люди,
Тобою восхищаюсь с давних

лет,
Я знаю: ты летишь к тому,
что любишь,
А более, чем жизнь, ты любишь
свет.

Я не оплачу жребий незавидный,
Сочувствовать тебе я не решусь,
К своей любви ты тнешься и
гибнешь:
Чтоб стать таким, я у тебя учусь.

Перевел с балларского
Н. Гребнев.

Георгий ГУЛИА

В старину абхазцы не знали наркоза. У них была песня, называлась она «Песней ранения». Если война ранили в бою и в его ногу застряла пуля, ее, разумеется, надо было вынуть. Хотя бы острием кинжала... Ну, а боль?

Боль утоляли песней. Друзья раненого пели, а опытный, издавший виды в боевых переделках старик доставал из раны пулю. Он орудовал острием кинжала и не очень беспокоился насчет боли: ведь поют «Песню ранения»! Наконец, во время операции поет сам джигит. Откуда же братья боли в ногу?

Если охотник, лазая в горах по скалам, сломал себе руку, надо, естественно, вправить кость. И это делают пастухи. А чтобы не было больно, поют «Песню ранения». Поет и сам охотник...

Я как-то спросил горца, которому минуло сто десять лет:

— Неужели правда, что боль не боль, если поют «Песню ранения»?

Он сказал:

— Да, правда. А ты знаешь, почему?

— Не знаю, — ответил я.

— Потому что это очень хорошая песня. Для сердца — сладкая, как мед. Это песня, которая не только боль заглушает, но и раны лечит. И сердце укрепляет.

В абхазских горах много песен. Есть песня, с которой непременно победишь на скачках. Только ее надо хорошо слезть. Есть путевые, с которыми не знаешь усталости. Есть таинственные, как заклинания. Их играют на пастушеской свирели. Говорят, они для стада коров — что альпийская сочная трава. А может, еще слаще.

Вот какие бывают песни!

Все это не в диковинку тому, кто хотя бы немножко знает белый свет. Нет уголка в мире, где бы не было своих песен, которые лечат.

Я думаю так: человек стал человеком, когда зашел — пусть гортанно, пусть хрипло. С тех пор душа его стала вместительнее песен, своеобразной аптекой, где было много мелодий, которые его лечили от всех болезней. А если уж говорить о самых полезных песнях, я бы сказал: веселые. Вот они-то лечат от всех болезней! И никакое лекарство с ними не сравнится!

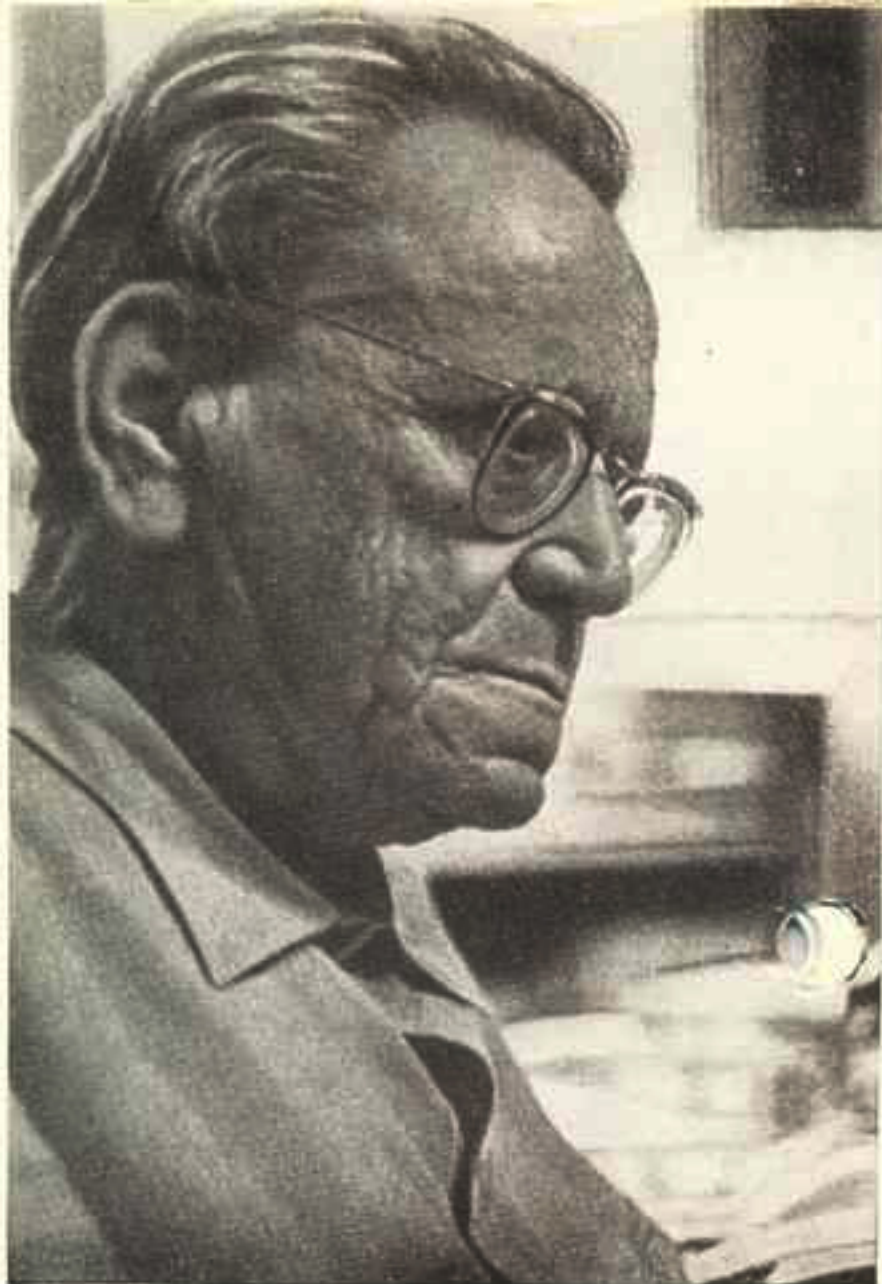

П Е С Н Я , К О Т О Р А Я Л Е Ч И Т

На шестой звуковой странице поет Гюли Чахели. Вы видите ее на снимке в минуты отдыха вместе с друзьями — музыкантами.

Фото М. МУРАЗОВА

С. МАРШАК

Нужна нам отвага
Для первого шага.

А кто упадет, но рискнет на второй —
Тот дважды герой!

Расти, дружок, и крепни понемножку,
И помни, что живое существо
Перерастить должно хотя бы кошку,
Чтобы она не слопала его!

Да будет мягким сердце, твердои — воля.
Пусть этот нестареющий наказ
Напутствием послужит каждой школе,
Любой семье и каждому из нас.

Как часто у тиранов на престоле
Жестоким было сердце, слабой — воля.

Зверь в укротителе не должен чують мясо.
Могучий лев испытывает страх
Перед неведомым, когда живую массой
У дрессировщика лежит он на плечах.

Как обнажаются судов тяжелых днища,
Так жизнь мы видели раздетой догола.
Обеды, ужины мы называли пищей,
А комната для нас жилплощадью была.
Но пусть мы провели свой век в борьбе
суровой, —

В такую пору жить нам довелось,
Когда развеялись условностей покровы
И всё, что видели, мы видели насквозь.

Из новой книги

Лауреат Ленинской премии Самуил Яковлевич Маршак готовит к печати новую книгу стихов «Лирические эпиграммы». Книга рождалась на протяжении многих лет одновременно с переводами Шекспира и Бернса, с детскими и лирическими стихами. Написана она как бы для себя. Это дневник поэта — форма выражения своих мыслей об искусстве, о жизни и времени. Добрая улыбка большого мастера и зоркого современника освещает этот своеобразный поэтический труд.

Фото Л. ЛАЗАРЕВА.

НАД МОНМАРТРОМ ПЛЫВЕТ ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ...

В кадр фотоаппарата Владимира Лебедева попал лишь крошечный уголок Монмартра. Но какой характерный! Кто этот художник, выставивший свои картины в самом большом зале Парижа — прямо на улице? Журналист ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ расскажет вам о Монмартре на восьмой звуковой странице.

ТЕЛЕГРАФНОЕ
АГЕНТСТВО
« КРУГОЗОРА »

Дорогие друзья! Еще совсем недавно, представляя вам, «Кругозор» раздумывал, какое слово выбрать для обращения: слушатели, читатели? Но вот знакомство состоялось, и у нас уже есть советчики, рецензенты, болельщики. Мы приведем здесь отрывки из двух писем. Учительница школы рабочей молодежи № 4 города Гродно Е. Ленкова сообщает: «На уроках в девярых и десятых классах мы слушаем «Голоса нашей биографии», выступления писателей и композиторов. Как ожилил журнал наше учительское слово! Сколько нового мы еще надеемся услышать на страницах горящего «Кругозора!»

Вот письмо от красноярских комсомольцев: «Здравствуй, «Кругозор»! Мы хотим дружить с тобой. Мы пришлем тебе горящие письма, в которых ты услышишь

ритм наших дорог и новостроен, шорох нашей тайги, мы пришлем тебе улыбку Енисея».

Так мы нашли нужное обращение к вам: собеседники.

Дорогие собеседники! Наш разговор обещает быть интересным. Однако не всегда он идет еще «на равных». Если наши печатные страницы обрели голос, то и «Кругозору» хотелось бы услышать, именно услышать, как звучат голоса его помощников. В этом разговоре вы полпреды земли, на которой трудитесь, по которой легли маршруты ваших путешествий. Так пусть земля и люди заговорят в ваших звуковых письмах! Присылайте нам не только корреспонденции и фотографии, но и магнитофонные записи. Пусть

«Кругозор» станет органом нашего коллективного соавторства.

Трубка для вечности

В Пушкинском доме сохранились любопытные высказывания критика В. В. Стасова о первых звуковых записях. Вот что писал он А. В. Верещагину 1 апреля 1898 года: «Вчера весь вечер я слушал фонограф у одних знакомых и наслаждался истинных чудес. Фонограф и кинематограф, мне кажется, самые гениальные из гениальных вещей нашего столетия. Я от них, право, с ума схожу. Был тоже и Давыдов (актер), и мы

слушали целые сцены из «Рениора», «Горя от ума», и «Свадьбы Кречинского», им когда-то недавно рассказанные прямо в трубку фонографа. Чудеса чудные! Тоже и меня заставили говорить в трубку «для вечности». Но у меня, конечно, вышло пресверно и пренеловко. Надо большую привычку и умение слушать свою речь в трубку. Не то карикатурно выходит».

Так со мной и случилось».

Я-Т
Р
И
О

нице песню «Лен» композитора Е. Родыгина. Ее поет даже трио, в состав которого входит... всего одна певица — Ранса Неменова.

Такое исполнение возможно, конечно, только в звукозаписи. Певица последовательно «наслаивает» один голос за другим на фонограмму песни. Делается это вовсе не ради трюка. Оригинальный тембр трех партий создает неповторимое звучание, которого нельзя достичь никаким другим способом.

Можно ли спеть дуэтом с самим собой? Несколько лет назад такой вопрос показался бы по меньшей мере странным.

Но вот послушайте на четвертой звуковой стра-

НЕНАЧАТЫЕ РАССКАЗЫ

Феликс КРИВИН

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

...и увидев слезы у нее на глазах, Лук от забытого чувства забыл, что его режут.

КАМЕНЬ

...даже выйдя на широкую дорогу, он не свалел в краугольные камни, а довольствовался скромной ролью камня преткновення.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

...когда вы разучитесь мечтать и научитесь трезво смотреть на вещи, вы поймете, что Ходящий по морю — это просто — на просто мореход и Плывающий в воздухе — всего-навсего воздухоплаватель, а Синяя птица — просто синица, которая у нас в руках надежной журавля в небе.

Ужгород.

На первой странице обложки: рисунок литовского художника Стасиса Красаускаса.

Художник В. Щапов.

Режиссер звуковых страниц Е. Тарханова.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи Министерства культуры СССР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Патриаршая ул., 25.

Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

В 03718. Подписано и печатно 19/VI 1964 г. Формат бумаги 84×108¹/₂. Вум. л. 0,5, печ. л. 1. Тираж 100 000 экз. Зак. 1622. Цена 1 руб.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

Открыв эту страницу, вы попадаете на первый спектакль театра «Кругозор». Спектакль называется «ДИАПАЗОНЫ ПАРОДИИ». Участвует в нем одна актриса — Кира Смирнова. Оркестр замер в ожидании, режиссеры на своих местах, все готово к представлению. Перед открытием занавеса — слово писателю Зиновию Паперному.

Едва я начал думать о Кире Смирновой, как обнаружил, что передо мной бесчисленное множество ее образов, сценических воплощений.

Оперная горе-примадонна с рыдающей колоратурой. Хваткий опереточный дуэт со штампами и ужимками, много раз бывшими в употреблении. Сверхмодная иностранная джазовая звезда, приготовившая «приятный сюрприз»: разухабисто вы-

плывшая танст, она исполняет нашу давно надоевшую эстрадную песню. Целый ансамбль псевдорусских певцов с их наигранным уныло-балаганным весельем. И все это — Кира Смирнова. Мы каждый раз с радостью узнаем ее в неузнаваемо новой роли.

Кира Смирнова — это живое сценическое обаяние, неподдельное дружеское общение с залом, чувство юмора, безошибочная сатирическая реакция на штамп, безвкусие, пошлость. Это безупречная музыкальность, артистический вкус.

И голос. Голос редкого диапазона. Голос, который передает любую характерность, любую манеру пения. Кстати, Кире Смирновой даже не нужно называть, ного она пародирует; веселое оживление в зале ясно свидетельствует, что зритель сразу узнал, над кем весело смеется артистка.

Фото Л. НОСОВА

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Цена 1 руб.